

Информационное общество и библиотеки*

Часть 2. Гуманистический символ нации

Исходя из мегатенденций информатизации и глобализации, характеризуются социально-демографические и политические особенности информационного общества, влияющие на библиотеки. Обоснована зависимость успешного преодоления глобальных угроз от степени гуманизации человечества. Доказывается необходимость «обибличивания» информационного общества и утверждается миссия библиотек как гуманистического символа нации.

Ключевые слова: библиотека, мегатенденция, глобализация, социализация, информационное общество, социально-демографическая особенность, политическая особенность, гуманизация, дегуманизация, глобальная угроза, гуманизм, магия книги, «обибличивание», символ нации.

Социальные и политические проблемы информационного общества

Начавшееся столетие определяется как «информационная эпоха» и как эпоха глобальных угроз и «вызовов» человечеству. Случайно или закономерно, но получилось так, что в историческом промежутке времени совпали две мегатенденции¹, определяющие будущее человечества: информатизация и глобализация. Мегатенденциям присуща двойственность: с одной стороны, они усугубляют глобальные проблемы, с другой — обещают переход от хаоса предыдущих эпох к системной упорядоченности и устойчивому развитию² в лоне единой «всемирной деревни». Мегатенденции не обособлены, а напротив, взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Вместе с тем разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного информационного взаимодействия в планетарном масштабе, которое может быть достигнуто только в рамках информационного общества. Получается, что построение глобального информационного общества — ключевая проблема и конечная цель

Аркадий Васильевич Соколов,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета культуры
и искусств,
доктор педагогических
наук

* Окончание. Начало см.: Библиотековедение. — 2011. — № 3. — С. 15—21.

обеих мегатенденций — информатизации и глобализации.

Мегатенденции в значительной степени предопределили социальные и политические проблемы информационного общества, имеющие отношение к будущему библиотечного института. Как уже отмечалось, мегатенденция информатизации обусловила компанию по «разбиблиотечиванию» библиотек и государственную политику «разбиблиотечивания» общества. Мегатенденция глобализации проявилась в следующих социальных и политических проблемах информационного общества.

Глобализация обеспечивает всемирные масштабы коммуникации, широчайшие возможности культурного обмена и туризма, создает безграничные, казалось бы, возможности для просвещения, взаимопонимания, культурного прогресса, сотрудничества всех народов Земли. В XX в. почти во всех развивающихся странах сложились национальные библиотечные системы. Благодаря электронной телекоммуникации в разных регионах модернизируется восприятие действительности, изменяются стиль жизни и ценностные ориентации людей. В результате население развивающихся стран подтягивается до уровня индустриальной цивилизации. Однако неуправляемая, неконтролируемая глобализация несет массу отрицательных последствий, в том числе и для развивающихся стран. В качестве идеала представляется вестернизированное космополитическое сообщество. Социологи обращают внимание на то, что «экспансия унифицированных образцов поведения, чужеземных культурных обычаев, норм, ценностей *угрожает самому существованию множества самобытных национальных культур*, а потому вызывает негативную реакцию, протесты антиглобалистов» [7]. В этой ситуации очень важную социально-культурную миссию могут выполнять библиотеки как хранилища национальной культуры.

Глобальной экономической проблемой являются *диспропорции в мировой экономике*, когда совокупное богатство 225 богатейших людей равно ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих более 40% населения планеты. Экономически абсурдна ситуация, когда общее состояние трех богатейших миллиардеров превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 беднейших стран. Либеральные футурологи не видят способа уменьшить пропасть между богатыми и бедными и почти единодушно предсказывают, что в наступившем столетии она будет только увеличиваться. Поэтому не кажется вздорным афоризм, что экономическая глобализация — «финансовое насилие в планетарном масштабе». Боюсь, что библиотекам не удастся избежать последствий этого насилия.

Нарастает угроза *столкновения цивилизаций*, о котором предупреждал американский по-

литолог Самюэль Хантингтон [13]. Исходный постулат Хантингтона заключался в следующем: если во время «холодной войны» мир был разделен по политическим и экономическим признакам на капиталистические, социалистические, развивающиеся страны, то сейчас решающее значение приобретает цивилизационная (прежде всего, религиозная) принадлежность. По мнению политолога, в XXI в. доминирующим фактором мировой политики станут кровопролитные межэтнические столкновения, обусловленные ослаблением западной цивилизации. Аргументами в пользу неизбежности цивилизационных конфликтов служат такие социально-демографические проблемы, как всемирная урбанизация, рост нищеты и социальной неустроенности в многомиллионных мегаполисах (население Мехико — 24 млн, Сан-Паулу — 23, Бомбея — 15 и т. д.), безработица в развивающемся мире (в 2000 г. — 1,7 млрд, к 2025 г. прогнозируется более 3 млрд безработных). Особенно острой является проблема миграции в богатые постиндустриальные страны. Во многих европейских государствах иностранцы-неевропейцы уже составляют более 10% населения, пробуждая ксенофобию и социальную напряженность. Попытки контролировать миграцию вряд ли увенчаются успехом. Если в Австралии, по оценкам демографов, в 2025 г. будет жить 23 млн человек, а в соседней Индонезии — 263 млн, то австралийцам не избежать нашествия голодных и нищих индонезийцев. Здесь раскрывается широкий простор для реализации гуманистического потенциала как книжной, так и электронной культуры.

В области международных отношений предсказывается *управляемый хаос*, который характеризуют следующие явления: перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень и появление новых субъектов власти, таких как международные регулирующие органы и неформальные центры влияния; конкуренция между США и другими претендентами на мировую гегемонию; формирование новых социальных общностей — мирового Севера и мирового Юга, помимо ранее существовавших Запада и Востока; развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом. Совокупность этих явлений ведет к «зарождению некой оригинальной цивилизационной альтернативы со своим культурным языком, законами и логикой социального бытия, собственной шкалой ценностей» [8]. Международные отношения перестают быть сферой, где формально равные и суверенные члены выстраивают коалиции, взаимодействующие друг с другом; теперь возникает глобальная иерархия, на вершине которой «большая семерка», НАТО и т. п., а на противоположном полюсе — «отверженное племя государств-париев». В этих условиях нормой стано-

вятся турбулентность, децентрализация и нестационарность мирового сообщества, которые обуславливают такие факторы, как глобальные финансово-экономические кризисы, возрождение архаических ценностей и тоталитарных режимов, распространение оружия массового поражения и угрозы его применения, расширение криминальных структур, превращение терроризма в «системный» компонент информационного общества. Выйдут ли библиотеки на международную арену? Неизвестно. Но в национальных структурах без них не обойтись.

Социологи информационного общества предвидят во всех экономических секторах значительное увеличение доли «белых воротничков» — квалифицированных специалистов умственного труда, и формирование особого слоя (общественного класса) *интеллектуальной меритократии*, монополюльно владеющей информацией и знанием. Всякая монополия чревата конфликтом, поэтому некоторых проницательных прогнозистов преследует кошмар «расколотой цивилизации». Не случайно социальный экономист В.Л. Иноземцев назвал одну из своих фундаментальных книг «Расколота цивилизация» [4].

Информационное общество видится ему не эгалитарным содружеством соотечественников, а расколотым на два «полюса социального противостояния». С одной стороны — высшая страта меритократов, представители которой происходят, как правило, из обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им условиями производства и при этом являются руководителями промышленных или сервисных компаний, либо занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии. С другой стороны — низшая страта, состоящая из рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые движимы, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг, отличаются невысокой образованностью. Антагонистический раскол — постоянный источник социального напряжения в информационном обществе.

Особенность социального антагонизма будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обуславливается не наследуемым социальным происхождением или материальным капиталом, а владением *интеллектуальным капиталом* — образованностью и творческими способностями. В.Л. Иноземцев полагает, что антагонистическое противоречие, изначально заложенное в недрах информационного общества, гораздо более фундаментально, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание меритократов, не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены. Дополнительный драматизм ситуации придает то, что рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что умственное развитие и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Размежевание страт информационного общества не может не сказаться на практике чтения и на потребности в библиотеках. Количество читателей в библиотеках и число публичных библиотек будет сокращаться, оправдывая государственную политику «разбиблиотечивания» общества.

Страта меритократов, состоящая из талантливых создателей новой техники и высокопродуктивных технологий, монополюльно владеющая основным хозяйственным ресурсом, которым являются информация и знания, обеспечит информационному обществу интеллектуальное развитие, материальное благополучие, социальный ком-

форт и техническое могущество, включая оружие массового поражения, о которых предыдущие поколения только мечтали. Однако необыкновенное интеллектуальное развитие высшей страты не гарантирует *гуманизации* информационного общества, расколотого на господствующее меньшинство и обездоленное большинство. А.А. Зиновьев в своем «социальном романе» «Глобальный человек» [3] доказывает, что антагонизм богатых и бедных сохранится в процветающем западном обществе, а население незападного мира будет по-прежнему «влачить жалкое существование вне всяких эпох и пост-эпох» [3, с. 222]. Он предвидит повсеместно ожесточенную борьбу между элитой и трудящимися массами, которая чревата самоуничтожением цивилизации. Элита обособится в неприступных и комфортабельных поместьях, поскольку «гораздо легче защитить отдельные категории людей от испорченной природы, чем спасти природу от порчи, исходящей от этих людей» [3, с. 222].

В современных условиях антропогенно перегруженной Земли с конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами обострились глобальные проблемы: перенаселение планеты, экологический кризис, голод, нищета и болезни, нерациональное использование природных благ и т. д. В последнее десятилетие статус глобальных приобрели такие проблемы, как насилие, международный терроризм и торговля наркотиками [10, 12]. Успешному решению этих проблем, угрожающих существованию человечества, препятствует *дегуманизация* отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, равноправии и толерантности, взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их проявлениях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевшее человечество*. Как достичь нужного уровня гуманизации сознания — это главный вопрос в повестке дня современного человечества.

«Обиблиотечивание» информационного общества

Гуманизация и дегуманизация человечества — сложнейшая социально-философская проблема, не имеющая определенного решения. Осуждение современного общества как дегуманизованного предполагает противопоставление

ему гуманистического, более гуманного и человеческого общества, которое якобы существовало в прошлом (приставка «де» наводит на эту мысль). Когда в России социальное устройство и отношения между людьми были более человеческими, чем в 2000-е годы? Ответа нет, но очевидно, что Россия, как и все мировое сообщество, переживает сейчас серьезную трансформацию, которую связывают со становлением информационного постиндустриального общества. Ясно также, что нужна духовно-нравственная перестройка сознания, нужен «новый гуманизм» («человеческая революция», как говорил великий гуманист XX в. Аурелио Печчеи [9]).

Мы не можем обсуждать здесь проблему гуманизации и дегуманизации в целом, затронем лишь один ее аспект, связанный с трансформацией коммуникационной культуры, которую несколько фривольно мы окрестили «разбиблиотечиванием» — «обиблиотечиванием». Причем затронем только на уровне трех гипотез.

Гипотеза I. Библиотеки всех типов и видов, особенно общедоступные бесплатные библиотеки, всегда были воплощением идеи гуманизма как основы человеческих отношений и общественной деятельности. Вплоть до конца XX в. всемирная библиотечная система, аккумулировавшая знания и мудрость человечества, представляла собой *единственный светский социальный институт, имеющий право считаться символом общественного гуманизма*. Не случайно по уровню развития библиотек судили об уровне развития культуры в данной стране. Однако в условиях индустриального общества ручная технология библиотечного труда стала расцениваться как свидетельство архаичности библиотечного дела. Возникла идея модернизации (первоначально — механизации, автоматизации) библиотек, которая получила всеобщую поддержку. Прогресс вычислительной и телекоммуникационной техники создал необходимую информационно-технологическую базу для реализации этой идеи. Оцифровывание книжных фондов и сетевое (виртуальное) библиотечно-библиографическое обслуживание привели к трансформации библиотек в традиционном понимании в информационные центры, т. е. к «разбиблиотечиванию» бывшего символа гуманизма общества. Так состоялась информатизация библиотек.

Гипотеза II. Информатизация библиотек в силу своего технократического замысла наносит ущерб гуманистической сущности библиотек. В программах строительства информационного общества всегда отдавался приоритет информатизации библиотек, и сегодня достигнуты большие успехи в этом направлении. Гуманистические же аспекты неизменно оставались в тени. Если исходить из буквы и духа государственных стратегических наметок, то библиотекам следует считать главной информационную функцию и видеть

свою миссию в удовлетворении информационных потребностей элитарных читателей (высшей страты) на основе информационных порталов Президентской библиотеки и других информационных ресурсов. (Низшую страту можно в расчет не брать, так как ее информационные потребности примитивны.) Следовательно, отвергаются полиграфическая книга и общедоступная библиотека — *плоды гуманистического просвещения и одухотворения человечества*, завещанные предыдущими веками. Взамен предлагаются Интернет и мобильная телефония — плоды глобальной экспансии западного технократизма.

Возникают опасения, не приведет ли такая государственная стратегия к дегуманизации информационного общества? Эти опасения отводятся заявлением, что модернизированная библиотека, использующая ресурсы Интернета, будет лучше служить идее гуманизма, чем классическая библиотека, основанная на технологиях «времен парусного флота», потому что она сможет быстрее, дешевле, комфортнее выполнять буквально все социальные функции последней. В «Библиотечной энциклопедии» перечислены следующие социальные функции, издавна присущие библиотекам:

- мемориальная функция — аккумуляция документных потоков и организация сохранения документов для дальнейшего их использования;
- просветительная (образовательная, социализирующая) функция — предоставление доступа к накопленным человечеством знаниям;
- информационная функция — библиографическое информирование о новинках литературы, выставки новых поступлений, тематические выставки;
- ценностно-ориентирующая функция, призванная познакомить читателей с разными взглядами и позициями по тому или иному вопросу;
- рекреационная (развлекательная) и гедонистическая функции — предоставление желающим легкой литературы и беллетристики [11].

Вполне очевидно, что все социальные функции библиотечного обслуживания, перечисленные нашими книговедами и документоведами, *могут быть адресованы Интернету и электронному книгоизданию и выполнены ими гораздо успешнее*. Что нужно еще? С технократической точки зрения быстродействие и экономичность Интернета и букридеров — главное доказательство превосходства электронной коммуникации над книжной по всем критериям, в том числе и с точки зрения гуманизации. Однако это заявление бьет мимо цели. Гуманизм заключается не в оперативном, дешевом и изобильном предоставлении текстов, релевантных данному запросу, а в том, что интеллигенты-книжники витиевато называют «магия книги». Поясню суть дела.

Гипотеза III. Уместно вспомнить известное пророчество Д.С. Лихачева (1906—1999): «XXI век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами» [5]. Возможно, Дмитрий Сергеевич, историк древнерусской литературы, не испытывавший прелести глобализации и информатизации, излишне недоверчив к электронной коммуникации. Может быть. Но ведь проблема гуманизации информационного общества во избежание катастрофических последствий его дегуманизации действительно существует! Школа и литература, искусство и средства массовой информации должны сыграть свою роль в разрешении этой проблемы, но и без библиотечного социального института не обойтись ни в коем случае, ибо он — хранитель магических книжных сокровищ.

Суть гипотезы III заключается в необходимости «оббиблиотечить» информационное общество, т. е. вернуть «разбиблиотеченным» библиотекам их первоначальную гуманистическую сущность. Необходимость «оббиблиотечивания» обусловлена тем, что книга — это не текст на

бумажном носителе, а нечто таинственное и одухотворенное. Магия книги заключается в том, что она содержит часть духовности своего автора, взывающей к духовности читателя. Если получается резонанс, конгениальное взаимодействие двух духовностей, появляется пламя духа, обжигающее память. Поэтому книгу можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание. Невольно вспоминается великий читатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Герман Гессе (1877—1962). В 1930 г. он написал небольшое эссе «Магия книги», которое завершил словами: «За сложнейшими сплетениями бесчисленных языков и книг, созданных за многие тысячи лет, читателю в моменты озарения предстает удивительно возвышенное и сверхреальное видение — лик человека, тысяча противоречивых черт которого претворены в единое целое магией книги» [2].

Интернет — симулякр духовности собеседника (которого нет), он апеллирует к рациональному сознанию и сопутствующим эмоциям посредством механически генерируемых сообщений. В диалоге человек — машина живое пламя духа присутствует только на стороне человека, а на стороне машины — бездуховные симулякры. Впрочем, рационального Homo informaticus редко волнует волшебная власть слова, чаще всего ему нужна простая информация. Здесь Интернет незаменим: он мгновенно выдает нужную справку, сообщает новость, передает письмо; без вмешательства сверхъестественных сил совершает чудеса коммуникации. Интернету неведома магия книги, но ему присуща магия информационного типа — «магия Интернета». Ее пленниками становятся интернетоманы, киберпанки и прочие «невольники Сети», которых очаровывает иллюзорная жизнь, проживаемая в виртуальном мире. Конкуренция двух магий — это столкновение двух коммуникационных культур — книжной и электронной. В информационном обществе, надо полагать, возторжествует информационная магия Интернета, а библиотечная магия, отвергнутая прагматичным Homo informaticus, скроется, как говорил Валерий Брюсов, «в катакомбы, в пустыни, в пещеры». Однако я уверен, что не придется долго ждать ее победоносного возвращения и неизбежного «обиблиотечивания» информационного общества. На чем основана моя уверенность?

Библиотека как гуманистический символ нации

В культурологии принято различать изысканную элитарную культуру и коммерциализованную массовую культуру, для каждой из которых свойственно свое представление о культурных ценностях, в том числе о гуманизме. В сфере элитарной культуры сохраняются и транслиру-

ются высокие общечеловеческие и национальные образцы, служащие для всестороннего развития личности. Потребительской массовой культуре свойственны дегуманизация, стандартизация, технизация, клиповое сознание, и ее продуктом является специфический тип личности — «одномерный человек» [6]. В расколотом информационном обществе высшая страта, очевидно, будет полагать культурой элитарного уровня, а низшей страте достанется массовая культура. Чтение в информационном обществе окажется не однородным, а сложно структурированным процессом, поскольку предсказанный учеными футурологами социально-культурный раскол неизбежно будет сопровождаться читательским расколом и диверсификацией книжного производства. Вырисовываются два полюса грядущего мира читателей: во-первых, замкнутый регион элитарного, в том числе, обязательно — детского чтения, с хорошим, даже букинистическим комплектованием личных библиотек; во-вторых, размытое гетто массового развлекательно-досугового чтения бестселлеров в гляцевых обложках и портативных букридеров.

Поскольку меритократия монополизировала знание, образование и культурное наследие информационного общества, то его привилегией и потребностью станет *вдумчивое чтение* классических произведений художественной, духовной, научной литературы. Невзыскательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры. Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Несомненно, значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Гипотетическую библиотечную сеть информационного общества я представляю себе на основе следующих соображений. Нужно различать модернизацию и «разбиблиотечивание» библиотек. Если информационные технологии используются для поиска или транспортировки нужных текстов, имеет место *модернизация* библиотечно-библиографического обслуживания, а не «разбиблиотечивание»; «разбиблиотечивание» происходит тогда, когда читателю предлагают не книжный оригинал, а его электронное изображение в режиме онлайн. Строго говоря, всякая модернизация библиотечно-библиографических процессов с использованием ИКТ есть начало «разбиблиотечивания», но важно соблюдение меры: если в конечном итоге нет ни одухотворен-

ной книги, ни живого читателя, то гуманистический символ заменяется технократическим символом, и библиотека исчезает. Если же соблюдается классическая дефиниция: «библиотека — значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом», налицо библиотека, а не какое-либо другое учреждение. Информатизация библиотек — не самоцель, а средство укрепления и развития гуманистической сущности, изначально свойственной всякой библиотеке. Беда в том, что в многочисленных проектах модернизации библиотек никогда не ставится цель усиления их гуманистического воздействия на общество, а имеется в виду использовать их информационный, экономический, политический ресурс для решения текущих идеологических или коммерческих задач. Поэтому остается не востребованным и не использованным магический потенциал, скрытый в книге.

По степени модернизации (информатизации), достигнутой библиотеками разных типов, в информационном обществе можно выделить четыре класса библиотек.

Класс 1. Форпосты элитарной и филологической книжной культуры в виде крупнейших национальных универсальных книгохранилищ во главе с РГБ и РНБ и региональные УНБ. Во всех библиотеках этого класса ведется работа по модернизации, но дело не доходит до сплошного оцифровывания фондов и дистанционного обслуживания всех читателей (хотя в перспективе это планируется). Крупнейшим библиотекам, несмотря на хронический дефицит площадей, квалифицированных молодых кадров и финансового обеспечения, нет необходимости изменять свой естественный имидж, ибо они всегда будут иметь гарантированный спрос на свои библиотечно-библиографические услуги, пока будут существовать русские люди.

Класс 2. Детские библиотеки и многочисленные (66 тысяч!), но карликовые школьные библиотеки. Библиотекари-педагоги, конечно, не прочь модернизироваться (не хочу сказать «разбиблиотечиться»), они мечтают обзавестись компьютерной и мультимедийной техникой (кое-где даже преуспели в этом), но вынуждены по старинной привычке педагогов-книжников полагаться, главным образом, на собственную выдумку и преданность библиотечному делу.

Класс 3. Бывшие государственные массовые библиотеки, служившие когда-то «опорными пунктами партийных организаций» и очагами «массового чтения», теперь сделались «муниципальными» и находятся в ведении самой бедной и, добавлю, невежественной ветви местной власти. Трудно надеяться на их возрождение в качестве родников книжной культуры. А вот превращение распавшихся ЦБС в центры социального общения, за что ратует С.А. Басов [1], мысль здравая и реализуемая. Жаль, что в перспективе центры социального общения могут незаметно «разбиблиотечиться» и стать клубами гражданского общества.

Класс 4. Фирменные, научные и технические, медицинские и сельскохозяйственные, вузовские библиотеки и другие библиотечные службы, входящие в состав обслуживаемых ими предприятий и организаций, несомненно, будут информатизированы, по возможности, «разбиблиотечатся» и станут стандартными службами информации, забыв свое библиотечное прошлое.

Прогнозируя роль и место библиотек в информационном обществе, необходимо исходить из постулата, что книга — это не только источник получения информации и средство заполнения досуга, а необходимый элемент национального самосознания и общечеловеческой культуры, поэтому научные и научно-технические, детские и школьные, национальные и региональные библиотеки представляют собой не просто информационное, досуговое, социально-культурное учреждение, а гораздо более важное достояние — *гуманистический символ нации*³. Без этого символа нация утрачивает идентификацию, как человек, потерявший память и забывший родной язык. Этот символ нельзя заменить искусственным симулякром, поэтому оцифрованный книжный фонд не может служить аутентичным символом гуманизма; «разбиблиотеченная» библиотека — символ техно-

кратизма, который присущ информаторию, а не библиотечному институту.

На наш взгляд, библиотеки перечисленных классов будут востребованы в постиндустриальном (информационном) социуме, причем должна произойти следующая трансформация перечисленных выше социальных функций, традиционно выполняемых библиотеками:

- мемориальная функция должна стать памятью нации — сохранение национальной идентичности в многоэтническом хаосе племен, народностей, наций;

- просветительная (образовательная, социализирующая) функция будет направлена на воспитание граждан данного социума, патриотов своего отечества в турбулентном мире;

- информационная функция превратится в социально-коммуникационную функцию, открывающую дорогу в мировое пространство, к духовным ценностям общечеловеческого значения;

- ценностно-ориентирующая функция должна иметь не ознакомительный, а этико-мировоззренческий характер, здесь главным становится вопрос о смысле жизни отдельного человека, нации, человечества;

- функция рекреации (гедонистическая) будет включать в себя воспитание эстетического вкуса, изучение классических образцов литературы, критику коммерческих бестселлеров.

Выполнение этих функций возможно в библиотеках всех типов (от национальных и региональных УНБ до школьных и муниципальных библиотек) с использованием информационно-коммуникационных технологий или без их помощи, в режиме онлайн или офлайн. В грядущем информационном обществе библиотеки должны, конечно, заботиться об информатизации, интерне-тизации, т. е. о модернизации. Но еще больше, и в первую очередь, им следует думать о том, чтобы не потерять своего библиотечного достоинства и стать обителью и приютом интеллигентов-книжников. Только их усилиями библиотеки смогут выполнить высокую миссию гуманистического символа нации. И если кто-нибудь спросит меня, кому нужны библиотеки в XXI веке, я отвечу, не стесняясь великих слов: России!

Заключение. Адресаты послания

В статье перечислено очень много (пожалуй, чересчур много) проблем, вопросов, гипотез. Кого могут заинтересовать эти рассуждения? Настоящая статья адресована, в первую очередь, читателям журнала «Библиотекосведение», во вторую очередь, нечитателям, управляющим библиотечным делом страны. Кратко говоря, автор хотел поделиться с ними следующими тревогами и заботами.

Библиотечным практикам важно уразу-

меть, что информационное общество — не Земля обетованная для библиотекарей, а неприветливая Terra incognita, оборудованная информационными рынками и окутанная Всемирной паутиной. Суровые технократы, хозяева информационных пространств, потребуют от пришельцев внести свой вклад в ВВП, приобрести компьютерную технику иностранного производства и выучить соблазнительную информационную мифологию. Не нужно жалеть усилий, чтобы модернизировать библиотеки, опасаться нужно бездарного «разбиблиотечивания» и утраты чувства собственного достоинства. Информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело — информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности Homo informaticus, используя локальные и удаленные информационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации. Для противостояния глобальным угрозам необходима гуманизация человечества, прежде всего нашего Отечества — России. Достичь этой цели невозможно без мобилизации духовных богатств, воплощенных в магии книги, т. е. без «*обиблиотечивания*» информационного общества.

Коллеги-библиотековеды, ученые и педагоги, немало сделали для информатизации библиотечного профессионального сознания и мифологизации информационного общества. Однако сущность информации так и осталась скрытой за стандартными, но непродуктивными формулировками вроде «информация — сведения или данные, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами». На самом деле информация — это *средство выражения смысла коммуникабельными знаками*. Информация — вторична, смысл — первичен. Изучая информационные технологии, информационное общество и место библиотек в этом обществе, нужно доходить до смыслов, выражаемых информационными сообщениями. Первичные смыслы информационного общества — гуманистичны (человечны), потому что это общество людей с человеческими достоинствами и пороками. На наш взгляд, в проблематике современного библиотековедения центральное место должно занять определение места и роли библиотечного социального института в гуманизации информационного общества. Другими словами, библиотековеду необходимо стать прежде всего гуманистом, а затем уже историком, психологом, информатиком, социологом, философом библиотечного профиля.

Внимание *Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева и их администрации* хотелось бы обратить на то, что тен-

денция «разбиблиотечивания» опасна для национальной безопасности, потому что она ведет к дегуманизации, т. е. одичанию народа России. В дегуманизованном обществе вместо цивилизованной модернизации расцветают аморальность, алчность, коррупция, недоверие к власти, пассивность населения, насилие, терроризм, с чем мы сталкиваемся повседневно. Государственная программа «Информационное общество (2011—2020 гг.)»⁴ останется «нас возвышающим обманом», если не будет предусмотрено «*обиблиотечивание*» общества.

Примечания

¹ Под мегатенденцией понимаются глобальные взаимосвязанные изменения, охватывающие экономику, политику, социальное устройство и культуру многих стран.

² Устойчивое развитие (sustainable development) альтруистически понимается как развитие всех народов Земли, отвечающее потребностям нынешнего дня и не лишаящее будущие поколения возможности удовлетворять свои собственные нужды.

³ В социологии нет общепринятого понимания символа, но признается, что символ — концентрированное выражение смысловых социальных отношений. Говоря, что библиотека является гуманистическим символом нации, мы имеем в виду, что развитие библиотек есть наивысший показатель развития национального гуманизма. (Кармадонов О.А. Социология символа / О.А. Кармадонов. — М.: Academia, 2004. — 352 с.)

⁴ <http://fcp.vpk.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/369/>

Список источников

1. Басов С.А. Библиотека и демократия. Первое вступление в проблему / С.А. Басов. — СПб., 2006. — 144 с.
2. Гессе Г. Магия книги: Эссе о литературе / Г. Гессе. — СПб.: Лимбус Пресс: Изд-во К. Тублина, 2010. — С. 40—41.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 1997. — 460 с.
4. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация / В.Л. Иноземцев. — М.: Academia-Наука, 1999. — 740 с.
5. Лихачев Д.С. XXI век должен быть эпохой гуманизма / Д.С. Лихачев. — М.: Наука, 1987. — С. 31.
6. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. — М.: АСТ, 2002. — 526 с.
7. Москвичев Л.Н. Глобализация // Социол. слов. / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. — М.: Норма, 2008. — С. 90—91.
8. Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Моск. шк. геоэконом. и соц. исслед. Вып. 2. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 17—47.
9. Печчеи А. Сто страниц для будущего (отрывки из книги) // Будущее в настоящем. — М., 1984. — С. 42—43.
10. Родионова И.А. Глобальные проблемы человечества / И.А. Родионова. — М.: Аспект Пресс, 1995. — 159 с.
11. Столяров Ю.Н. Библиотека // Библ. энцикл. — М.: Пашков дом, 2007. — С. 139—140.
12. Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству / В.А. Тураев. — М.: Логос, 2002. — 192 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.